

(1) Учителя литературы очень любят задавать домашние сочинения на тему «О чём я мечтаю». (2) Эти сочинения мне всегда трудно писать, потому что я мечтаю об очень многом и никак не могу решить, о какой же именно мечте написать. (3) Помучившись немного за письменным столом, узнав на всякий случай, о чём мечтают мама, папа и старший брат Дима, и убедившись, что их мечты мне совсем не подходят, я сажусь и пишу то, что, я уверен, с удовольствием прочтёт наша учительница. (4) Я пишу, что очень хочу уехать за тысячи километров от Москвы, чтобы открыть залежи каких-нибудь полезных ископаемых, или скелеты древних животных, или даже новые земли...

(5) А на самом деле, когда мне приходилось летом уезжать из Москвы не за тысячи, а всего-навсего за двадцать пять километров, в летний лагерь, я очень скучал по своему двору, и по своей улице, и по своим школьным товарищам. (6) Но вот наступил день, когда мне со всем этим пришлось распрощаться. (7) Вечером папа экстренно собрал семейный совет, который он называл «семейным квартетом», потому что нас было четверо. (8) Ну, сперва всё шло, как в знаменитой басне Крылова: каждый «играл» по-своему. (9) Папа сказал, что он очень счастлив, потому что наконец-то будет изучать вечную мерзлоту не в московских холодильниках и не по бумажкам, а, как папа сказал, «весомо, грубо, зримо». (10) Это, оказывается (я уж потом узнал!), он употребил слова Маяковского.

(11) Мама стала очень быстро расставлять на столе посуду, несмотря на то что ужинать было ещё рано: она не была так сильно счастлива, как папа. (12) Одна тарелка даже упала на пол, но не разбилась. — (13) Ничего-о, — сказал ей папа, — не волнуйся: ты скоро привыкнешь к этой мысли...

(14) И уже через полчаса мама действительно привыкла. (15) Она стала так деловито вытаскивать чемоданы и собирать вещи, будто уже давным-давно знала, что мы поедем в Заполярье, хотя никому об этом не говорила.

(16) Я был ещё счастливее папы! (17) Ещё бы: я поеду не куда-нибудь на дачу и не в летний лагерь, а в город Заполярск, который так называется, потому что находится за самым Полярным кругом.

(18) Итак, мы отправились в путь!

(19) До самого Заполярска мы ехали на одних только экспрессах. (20) Из Москвы выехали на автобусе-экспрессе, потом пересели на «Ту-104», который тоже вполне можно назвать «воздушным экспрессом», а после этого нас помчал по Енисею речной экспресс.

(21) На всём белом свете нет, наверное, ни одного мальчишки, который хотя бы один месяц или там десять дней в своей жизни не мечтал быть шофёром, лётчиком или капитаном дальнего плавания. (22) Я уже давно заметил, что все мальчишки почему-то больше всего мечтают работать на транспорте.

(23) Если бы они не меняли потом этой своей мечты, то некому было бы на земле быть пассажирами или пешеходами. (24) Некому было бы ездить, все бы только возили! (25) И нет, вероятно, ни одного мальчишки, который не смастерил бы хоть одного кораблика из старой газетной бумаги.

(26) Обо всём этом я стал вспоминать и размышлять, когда наш огромный и тоже белоснежный, как плавучий айсберг, речной экспресс с именем Некрасова на борту стал выбираться на самую середину енисейского простора. (27) Навстречу ему пыла, можно сказать, вся русская классическая литература: «Пушкин», «Лермонтов», «Тургенев», «Лев Толстой»... (28) Проносились маленькие, пронырливые судёнышки с очень визгливыми голосами. (29) Солидно и важно оседая под тяжестью грузов, проходили самоходные баржи. (30) Одним словом, вблизи порта шла такая корабельная суетня, что я, как и на аэродроме, поражался: неужели не столкнутся, не заденут друг друга? (31) Но никто никого не задевал и не толкал...

(32) И тогда мне снова захотелось стать капитаном дальнего плавания! (33) А тут ещё Владимир Николаевич стал рассказывать, какая это трудная и ответственная работа — водить по Енисею такие вот корабли, как наш «Некрасов», которые, как сказал Владимир Николаевич, «по габаритам вполне могут соперничать и с морскими судами».

(34) Я узнал, что слово «габариты», оказывается, относится к размерам судна. — (35) Да, размеры у кораблей поистине морские. (36) А простор-то всё-таки не морской, — вступил в беседу папа. — (37) Тут уж капитан должен на зубок знать все изгибы, мели, перекаты, пороги... — (38) И здесь тоже есть пороги? — удивился я, ведь мне казалось, что порогами своими славится только Днепр, о чём я читал во многих книжках и стихах.

-(39) Ещё какие коварные пороги! — воскликнул папа. — (40) Вот, например, Казачинский порог, самый опасный на Енисее, по ночам и проходить запрещено. (41) Только лучшие капитаны имеют на это право... (42) Там, под водой, такие каменные глыбы притаились! (43) Между ними кипят буруны... (44) И в самих этих глыбах, в самом каменном ложе реки, прорыт канал длиною так метров в сорок. (45) А иначе совсем было бы опасно!

(46) Я был в восторге, оттого что папа не уступил в разговоре Владимиру Николаевичу: он всё, ну, буквально всё знал про Енисей, как будто родился на этой реке.

(47) Я восхищался папой, и тайга, которая с двух сторон обступила реку, меня тоже восхищала.

(По А.Г. Алексину)